

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г28

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

Гедеон, Артур.

Г28 Лилит. Злое сердце куклы / Артур Гедеон. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-208818-6

У крупного бизнесмена больна дочь Женечка — уже пять лет она не может ходить из-за травмы спины. Отец хочет сделать ей подарок и заказывает огромную куклу у очень известного мастера-затворника, работающего на местный театр и частных коллекционеров. Кукла необыкновенно красива, максимально очеловечена. Женечка сразу влюбляется в нее и называет Лилит.

Через месяц ноги Жени оживают. Но уже скоро «отношения» между девушкой и куклой заставляют родителей серьезно недоумевать, а потом и нервничать. Зависимость Женечки от Лилит превращается в странную болезнь.

Отец и мачеха решают отобрать ее у дочки, но поздно. Кукла занимает слишком большое место в жизни Женечки. Всю ее жизнь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гедеон А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-208818-6

ПРОЛОГ

СССР, 1959 год

Он вышел из дома и направился к трамвайной остановке. Собранный, точно знающий, что сейчас должен сделать. Главное — идти по намеченной прямой, ни шага в сторону. Весна счастливо захлестывала город пронзительной свежестью, всей полнотой жизни. Кругом хлопали на ветру кумачовые транспаранты с яркими лозунгами. Все, как один, звали к новым подвигам, великим достижениям и миру во всем мире. А как иначе — через несколько дней Первомай, шумные демонстрации, счастливая толчея, еще дружные семейные застолья. Все то, чего у торопливо шагавшего юноши в широких брюках, просторной рубашке и мешковатом пиджаке и в помине не было. В одном из дворов ладно заливалась «Катюшей» гармонь, соревнуясь с отчаянным перелаем собак, в парке напротив, через трамвайные пути, слаженно играл духовой оркестр. Стайка девочек в красных галстуках, смеясь, пролетела мимо, но, увидев офицера в мундире и при медалях, поравнялась и по-пионерски отсалютовала; он в ответ козырнул им, и радостные пионерки стремительно понеслись дальше.

И ему бы сейчас откликнуться всем сердцем на порывы этой весны юношеской душой, но было не до того. С зубовным скрежетом вдоль парка повернул доходяга-трамвай и, замедляя ход, пошел к остановке. На колбасе умело балансировали двое мальчишек-оборвышей и демонстративно махали руками. Юноша прибавил шаг. Длинный для своих шестнадцати лет, худой, сутулый, с высокой копной пшеничных волос, он забрался в трамвай, оплатил билет и сел на свободное место.

На следующей остановке в трамвай ввалились два приבלатненных паренька. Один лет восемнадцати, цыганистый, черноглазый, в заломленной назад кепке, другой — помоложе, рыжий и курносый, похожий на задиристого дурака. Пассажиры отворачивались — никто не хотел пересекаться с ними взглядами.

— Билеты покупать будем? — спросила кондуктор.

— Сейчас, маманя, только местечко нагреем, — миролюбиво сказал чернявый.

— Вот сейчас и платите, или милицию позову, — пригрозила та.

— Ладно, ладно, чё сразу легавых-то звать. На охоте, что ли? — Он хлопнул себя по бокам. — Дай по карманам пошмонать, а то у нас вся капуста червонцами, — показно хохотнул парень, — мелочь еще поискать надо.

Он огляделся и, хитро прищутив один глаз, направился в сторону длинного тощего юноши интеллигентного вида. Чернявый и рыжий плюхнулись на сиденья перед ним и, перемигнувшись, как по команде обернулись. Таких спутников только врагу пожелаешь.

Парень в кепке осклабился, остро сверкнул золотой фиксой.

— Куда едешь, пацан?

Юноша отвернулся к окну.

— Куда надо.

— Ты чё такой дерзкий? Со старшими надо уважительнее. — Он понизил голос: — Это мой трамвай, пацан, я тут хозяин. Кондуктор билеты раздает, я монеты собираю. С тебя полтинник, пацан.

Юноша упрямо смотрел в окно.

— Слышь, длинный, ты смотри, когда с тобой говорят. Ставки повышаются. И мне полтинник, и Юрку, — кивнул он на рыжего. — Ему тоже в кино и мороженого охота. Да, Юрок?

— Ага, — откликнулся тот, показав щербатый рот.

— Вы чего деньги вымогаете у парня? — возмутилась представительная дама с уложенной клумбой волос на голове, сидевшая за спиной тихого юноши. — Хулиганье!

— А вам чё надо, тетя? — возмутился в ответ парень с фиксой. — Чё вы людям говорить запрещаете, старым корешам? Мы, может, в одном классе учились? Я, может, его сто лет не видел? Я вообще сын полка и свои права имею.

— Какие вы старые кореша? И какой ты сын полка? Жиган ты. И ни в какой школе твоей ноги отродясь не было. Я что, не вижу, как вы у него деньги выманиваете? Сейчас кондуктору скажу, а у нее свисток. Быстро милиция-то подоспеет!

— Слышь, пацан, скажи, что мы старые кореша, — потребовал цыганистый в кепке. — Пусть

тетенька увянет. У меня уши музыкальные — за здоровье беспокоюсь.

Но юноша смотрел в окно. Нельзя ничему помешать сделать так, как нужно. Ни гром и молния, ни война, ни конец света не должны остановить его. Он обернулся к женщине за спиной и миролюбиво сказал:

— Все хорошо, спасибо.

А потом остановил взгляд на острых карих глазах цыганистого с фиксой. Юноша смотрел упрямо и не опускал глаза.

— Ты чё уставился, сучонош? — наконец тихонько, но явно с угрозой в голосе спросил чернявый. — Ты чё мне тут рисуешь? Гипнотизер, что ли? Мы ведь можем и с тобой вместе выйти, — понизил голос наглый парень в кепке. — Куда ты, туда и мы. Так хочешь? — Он зашипел, кивая на товарища: — У Юрка кулаки как кирпичи, начнет колотить — не остановишь. Испытать хочешь? А, Юрок, отметелим тощего?

— Ага, — кивнул тот.

Худой юноша перевел взгляд на рыжего и заглянул в его туповатые глаза.

— Чё он пялится, а, Сыч? — спросил у товарища рыжий. — Большой, может?

Худой юноша улыбнулся чернявому с фиксой:

— Вам нужен полтинник?

— Ну? — спросил тот. — Только дошло?

Юноша забрался в карман пиджака, порылся там и что-то протянул вымогателю:

— Фокус-покус. Держите.

— Зря ты это, мальчик, — неодобрительно сказала тетенька с клумбой на голове.

— Во, другой разговор, — ожил чернявый. — Сразу бы так. А моему братишке? — Он кивнул на туповатого спутника. — Юрку тоже полтинник нужен, а то он плакать будет. Будешь, Юрок?

— Буду, — мрачно ответил тот.

— Вот и ему полтинник, — сказал долговязый юноша и тут же поспешно встал.

Трамвай как раз тормозил перед очередной остановкой. Юноша вышел и заторопился в сторону Старой площади, где дожидались пассажиров два обшарпанных довоенных автобуса.

Чернявый и рыжий заторможенно смотрели на то, что лежало у них на ладонях.

— Полтинник, кажись? — спросил чернявый. — Или рубль дал — промахнулся? Я чё-то не секу...

— А у меня чё? Гривенник? — хмурился рыжий. — Обманул, падла? На кино не хватит.

— Чего, дурни, смотрите? — усмехнулась женщина с клумбой на голове, выходявшая на следующей остановке через переднюю дверь. — У вас в руках по гайке. У одного большая, а у другого маленькая. — Ближайшие пассажиры уже тянули шеи в их стороны — всем хотелось посмотреть на «фокус-покус». — Вот таких гаек вам в башке и не хватает. А парнек-то хитер — обвел вас вокруг пальца, паразитов, — рассмеялась дама. — Ему бы в цирке с такими талантами выступать!

Фырчал и кашлял старый автобус, кряхтел и захлебывался во время переключения скоростей, но катил быстро. На нем юноша покинул город, переехал по мосту через речку Лиховую, промчался по старинному селу Зырино и вышел

на дальней его окраине. Слева поднималась построенная еще до революции кирпичная водонапорная башня, а справа, за плотным высоким забором и буйно зацветающим садом, крепко стоял, построенный на века, большой патриархальный дом.

Юноша бывал тут нечасто. В этом доме поколениями росли его предки, но так случилось, что отца, художника, тут не жаловали. Однажды тот сказал, что не хочет иметь ничего общего со своей безумной родней.

И причина на то была. Семью Беспаловых избегало и побаивалось еще с давних времен все село, и даже теперь, в советские времена повсеместного атеизма, потому что числились они потомственными колдунами. Юноша отворил калитку и двинулся по широкой тропинке к дому. Весь фасад был покрыт хитрой резьбой, где можно было разглядеть и смешные фигурки людей, и животных, и всякие символы. Юноша знал: каждый из них значит очень много, весь этот рисунок — целое письмо, но никто и никогда не говорил ему, кому оно предназначено и что скрывает. Помнил только, как ему про эти каракули сказал дядя, уже покойный: «Этим языком наши боги с нами говорят, малыш. Вырастешь, может, и узнаешь, что к чему, если дед Берендей позволит. Он отца твоего проклял, братца моего младшего, и тебе, семени его, не шибко доверяет». Помер дед Берендей, но так и не посвятили юношу в тайное письмо предков.

На крыльце сидела его бабка Чернуха, в миру Евдокия, чтобы вопросов не было, в старом плетеном кресле. Одета она была в черное,

с платком на голове. Кто из сельчан увидит — пробежит мимо. А поймает ее взгляд — сразу в церковь. Сидела она, как сфинкс, положив руки на широкие лопухи-подлокотники, по-хозяйски откинувшись на спинку. Тут же, на узкой тесной скамейке дремал родной дядя юноши — младший брат отца Ёж, в миру — Никодим. В поддевке, широких штанах и старых хромовых сапогах.

— Редкий гость, — процедила бабка Евдокия. — А как вытянулся.

Но сказала это с радостью — как-никак, родная кровь. По-своему она очень любила внука.

— Ой ты, племянник пожаловал! — приподнявшись на локте, усмехнулся Никодим. — Как там братец мой поживает? Малевальщик? Пьет горькую?

— Иногда пьет, — стоя перед лестницей, потупил взор юноша.

— А мать все блудит?

— Не знаю, — обиженно нахмурился гость.

— Не терзай ты его, дурень, — осекла бабка Чернуха сына-словоблуда. — И так у него не дом, а худое сито. Ну, отрок, зачем пожаловал? Вижу: нужда приключилась, и по нашей части. Верно?

— Верно, бабушка, — ответил юноша. — Большая нужда.

— И срочная?

— Очень срочная.

— И сердечная?

— Да, бабушка, — вспыхнул он.

— Говори, милый, помогу, чем смогу.

— Может, в дом пойдём? — покосившись на пересмешника-дядю, предложил юноша.

— Пойдем, милый, пойдем. Поднимайся. А ты дом стереги, Никодим, — в шутку наказала она сыну. — Чтобы мышь не пробежала.

— Из дома или в дом? — пошутил тот.

— Балабол, — откликнулась старуха, взяла внука за плечо, нагнула, поцеловала в темя и подтолкнула к открытым дверям.

В избе она усадила его в красный угол, самый нарядный и ухоженный, правда, не было тут никаких образов, как в других, и быть не могло. Но висел высеченный из дерева лет двести назад почерневший старик, длинноволосый, в одежде до пят, с посохом. Он подозрительно смотрел на всякого, кто сюда входил, садился за стол, а может, и слушал, о чем говорят.

Юноша стал рассказывать — со всей положенной его возрасту страстью и всей болью, которую переживал сейчас.

— Задачки ты задаешь, внучок, — покачала головой бабка Чернуха. — Чтобы помочь, я должна открыть тебе несколько тайных дверей, одну секретнее другой. Твой дед Берендей, муж мой, будь он жив, никогда не позволил бы мне этого сделать, — он проклял своего сына, твоего отца, и не верил тебе. Но я верю, милый, потому что знаю: тебе передан наш дар. Не трем моим сыновьям, а именно тебе. И вот мой выбор. Помогу тебе — прогневолю мужа. Каким словом он встретит меня там, куда все уходят? А не помогу — прогневолю господина-Чернобога, — она указала кривым пальцем на деревянного идола. — И Мару с Морком тоже прогневолю. — Старуха прихватила его руку костистой клешней. — Только и ты, внучок, должен решить для себя, как тебе быть дальше.

— Что я должен решить, бабушка?

— Дать слово, что будешь служить семье и нашим богам.

— Даю слово, — кивнул он.

— Какой ты шустрый, — усмехнулась старуха. — Но это хорошо, что сразу согласен. Стало быть, сердцем говоришь, только так и надо. Я буду читать заклинания, а ты повторять их за мной — слово в слово. Долго буду читать — помни.

— Хорошо, — кивнул юноша.

— И еще помни: ее душа останется между небом и землей, будет ждать, сколько надо. Там времени нет. Но пока она здесь, сама должна решить, что согласна на это. Сама. Ты ее неволить не вправе. Да и захочешь — не сможешь. Тут каждый за себя решает. И если она решится, то пусть скажет на самом пороге, когда ты все отчитаешь, такие слова: «Согласна! Забери меня из рук смерти, уведи в сад покоя, где я буду ждать, когда ты вернешь меня». Понял?

— Понял, — с бешено колотящимся сердцем ответил юноша.

— Хорошо. Сил тебе придется отдать много. Может, потеряешь что-то из своего. К этому тоже будь готов. И последнее — тебе понадобится сосуд, куда ты вольешь ее душу и принесешь в мир живых. Всего-то-навсего, проще некуда, а, внучок? — сжав его руку прокопченной клешней, сухо рассмеялась бабка Чернуха.

— А какой это сосуд? Где его взять?

— Узнаешь.

— И все может получиться?

— Моя бабка Волчица говорила так: «Пусть нас пугают: Бог дал — Бог взял, а мы у Него на-

зад заберем». Ты и заберешь, Саввушка, коли сила дана, а я помогу, направлю, лучинку во тьме для тебя подержу. А теперь запоминай заветные слова, что она должна услышать в те самые мгновения, когда с краешка жизни сорвется в тьму кромешную...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дворец для принцессы

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лучшая подруга

1

В открытые окна усадьбы, через благоухающий цветами парк влетели отдаленные звуки автомобильного клаксона. Три раза с дороги, затем повторилось, и еще три раза у самых ворот. Радостнее позывных Женечка еще не слышала.

— Это он! — вцепившись в подоконник, воскликнула она. — Он привез ее! Илона! Аннушка!

— Конечно, привез, — откликнулась домохозяйка, занимавшаяся цветами. Она переглянулась с молодой горничной в белоснежном фартуке и чепце, с влажной тряпкой в руках. Та показно сморщила нос, на что домохозяйка осуждающе нахмурила брови, что означало: «Прекращай-ка мне, слышишь?» И тотчас ласково обратилась к девочке:

— Павел Константинович всегда выполняет свои обещания.

Рыжеволосая зеленоглазая девочка-подросток в белом платье жадно всматривалась в аллеи, проходившие через роскошный зверинец, созданный из кустарников и небольших деревьев. Тут были слон и слониха с тремя слонятами, два носорога, бегемот, львы, жирафы и кенгуру, пони и даже большой одинокий орангутанг. Все эти звери росли вместе с ней, на ее глазах обретали художественный образ, выразительность и характер, и у каждого было имя, которое Женечка дала сама. Зеленые и такие родные, крепко сплетенные из густых ветвей и плотных листьев.

И вот на аллее появился ее отец с букетом белых роз. Он махал ей свободной рукой, за ним шагал гигант шофер и нес в руках коробку в половину человеческого роста, увитую золотыми, алыми и голубыми лентами. Отец красноречиво послал дочери воздушный поцелуй, Женечка потянулась к нему и тоже замахала руками.

— Люблю тебя! — крикнул отец.

— И я тебя! — ответила она. — Скорее же! Скорее!

Коробка в руках шофера притягивала взгляд, как магнитом. Сокровище, обещанное сокровище! Долгожданное, ее, только ее!

Отец и шофер скрылись, парк наполнился июньской полдневной тишиной. Зато вскоре слышались шаги в коридоре второго этажа. Женечка привычным движением нажала на кнопку пульта, кресло-каталка с легким жужжанием развернулось от окна к двери.

— Нам уйти? — спросила домоправительница Илона.

— Нет, останьтесь, хочу, чтобы вы тоже увидели.

— С удовольствием, — перехватив взгляд горничной, сказала та. — Столько в доме было разговоров...

Через мгновение двери открылись, и отец переступил порог с той же подарочной коробкой в ярких лентах.

— Вуаля, принцесса! — весело сказал он. — Я принес тебе обещанную сестренку.

Ее кресло отъехало от окна в сторону отца с долгожданным подарком.

— Открывай, папа, — проговорила дочка.

— А маму ждать не будем?

— Нет! — Ответ прозвучал категорично.

И слово «мама», несомненно, резануло девочке слух.

— Как скажешь, милая. Но Зоя может на нас обидеться.

— Пусть.

— Ладно.

Отец положил коробку на большой низкий столик и демонстративно потянул розовую ленту — бант развязался. Затем синюю — разошелся второй бант. Только потом он быстро и ловко избавился от золотого банта. Женечка неистово захлопала в ладоши, словно перед ней только что был исполнен цирковой номер высочайшего класса. Но она-то знала: это почище любого номера — сейчас ее ждало чудо. Отец потянул крышку — та осталась в его руках. Женечка подъехала ближе, осторожно подошли домоправительница и горничная. В подарочной коробке лежала огромная рыжеволосая кукла в багряном сред-

невековом платье, расшитом золотом, с золотой короной-обручем на голове. Ее лицо было максимально очеловечено и казалось живым. Яркие зеленые глаза весело и цепко смотрели на хозяев и слуг.

— Бог мой, — произвольно воскликнула Илона и переглянулась с Аннушкой. — Как живая!

— А то, — усмехнулся отец Женечки. — Фирма веников не вяжет. Произведение искусства. Постарался искусник Савва Андронович Беспалов.

— А кто он? — спросила Илона.

— Ты когда последний раз была в нашем театре кукол?

— Никогда.

— Вот тебе и ответ. Беспалов — гений; художник, скульптор, кукольник с большой буквы, его во всем мире знают.

— А-а.

Кукла светилась червонным сиянием платья и волос, но в глазах было сосредоточено еще больше света.

— Дай ее мне, — попросила Женечка и протянула руки.

— Бери, — сказал отец, аккуратно вытащил куклу из ее уютного картонного домика и передал дочери. — Знакомьтесь, девочки, — скосив глаза на домоправительницу и горничную, предложил он. — Важный момент.

— А как ее зовут, папочка?

Отец и дочь задумались. Вот какая странность: лицо куклы словно скопировали с живого человека — очень красивой молодой женщины. Или это была фантазия талантливого мастера? Такая красота должна была изначально носить имя,